

Дети стеклодува

Автор:

Мария Грипе

Дети стеклодува

Мария Грипе

Стеклодув живет в крохотном домике в бедной деревушке. Его жена мечтает о лучшей участи для своих детей. Как-то раз семья отправляется на ярмарку, где в праздничной суете дети исчезают. Только гадалка знала, что их судьба предрешена. Ей предстоит переплыть через Реку забвения, чтобы попасть в Город желаний и сразиться со злом. Это необыкновенно поэтичная волшебная сказка о том, куда приводят наши желания, ведь их исполнение далеко не всегда делает нас счастливыми.

Мария Грипе

Дети стеклодува

Часть первая

...знать ты не должен удел свой грядущий – или забудешь в заботе покой.

Старшая Эдда, Изречения Высокого

Жили они в бедной деревне Нёда, что в Дисебергском приходе, – стеклодув Альберт и его жена София. Было это давно – деревни той уж нет и в помине. Альберт прожил в этих краях всю жизнь, София была родом с севера. Красотой своей она напоминала розу.

Детей их звали Клас и Клара. Такие имена им дал Альберт – чтобы напоминали о его ремесле. Клас похоже на глас, что по-шведски значит «стекло», Клара значит «светлая и чистая».

Альберт был совсем не богат, но имел свой домик и гуту – стеклодувную мастерскую. В крошечном домишке у одной стены теснились широкий сундук и шкаф, у другой – лавка и старые напольные часы, у окна стоял стол. Альберт и София спали на лавке, дети – на сундуке.

Часть комнаты занимала большая дровяная печь. У печи София держала прялку. Над прялкой к двум железным крюкам в потолке была подвешена колыбель. В ней спали дети, когда были совсем маленькие, теперь же София хранила там кое-какие свои вещи.

Возле печи притаилась дверь в каморку, где стоял ларь с одеждой и стул. Вот, пожалуй, и все.

Мастерская была тоже невелика, но в ней запросто размещались Альберт с подмастерьем и даже Клас и Клара, которые любили смотреть на работу отца. Места всем хватало – а это главное.

Здесь рождались изделия невиданной красоты. Альберт творил чудеса со стеклом, да только торговец из него был никудышный. Посуда его не пользовалась спросом, хотя он исправно ездил на ярмарки – и весной, и осенью. Концы с концами кое-как сводили, но излишков у них не водилось.

Когда подходило время, София помогала крестьянам трепать лен и брала детей с собой. После работы их кормили, а за труд София выручала хлеб и пясть льна, так что жизнь их в те дни была похожа на праздник.

Клас был младшим, ему едва исполнился год. Ходить он еще не умел, зато мог часами сидеть и смотреть, как работает отец. С той же легкостью, что ребенок пускает мыльные пузыри, Альберт выдувал сверкающие бокалы и блестящие чаши. Только, в отличие от пузырей, они не лопались – длинными рядами стояли на полках, завораживая своим светом. Это было чудо.

Затаив дыхание, Клас сидел в углу и наблюдал, как из длинной трубки Альберта, словно по волшебству, один за другим появляются мерцающие шары. Шары росли, и Класу казалось, что они парят у него над головой. В глазах его проскальзывало мечтательное выражение, будто он видел что-то далеко-далеко. Что он мог видеть? О чем думал? О небе, а может, о бескрайнем море? Сам он не знал, он был слишком мал, чтобы описать это словами. Но Альберт знал и улыбался – с ним было то же самое. Они видели красоту.

Клара была на год старше брата. Она тоже любила бывать в мастерской, но на месте ей не сиделось. Случалось, она что-нибудь задевала, и стекло со звоном падало на пол, рассыпаясь на тысячи мелких осколков. Клару это не сильно тревожило – она вприпрыжку выбегала из гуты и мчалась домой. Там София давала ей играть с длинными прядями льна, и ничего прекраснее Клара не знала.

Зато с Класом всякий раз, когда разбивалось стекло, творилось что-то странное. Поначалу звон веселил его, но при виде осколков мальчик пугался и плакал, да так безутешно, что его приходилось уносить из мастерской на руках. Альберт очень сердился, но все же надеялся, что со временем Клас привыкнет, ведь стекло часто бьется. Только Клас не привыкал – напротив, с каждым разом плакал все сильнее, и вскоре Альберт уже не решался брать его с собой.

Такая вот у Класа была странность. Но у всех были свои заботы, и никто не обращал на это особого внимания.

Альберт, тот думал о стекле. Только о стекле. Любой формы, любого вида. О сверкающем стекле, блестящем, зеркальном, звенящем, поющем... Стекло. Только СТЕКЛО.

София же считала, что Альберт слишком много думает о стекле, что он любит стекло больше, чем ее. Бывало, луна успевала сменить солнце на небосклоне, а Альберт все трудился в своей мастерской. София сидела у окна и ждала. Да, это случалось слишком уж часто...

Жизнь Клары ничто не омрачало. Она всегда оставалась верна своему имени – светлая и чистая. Все, что ей нужно было для счастья – это прядь льна да осколочек стекла вместо зеркала.

Так Клас и жил со своей маленькой странностью. Никто не понимал его, а он просто-напросто чувствовал, что самое красивое часто бывает самым хрупким. Маленькому человеку, ничего не знающему о свойствах стекла, это может казаться страшным и непонятным. А ведь как грустно, когда самое красивое так легко разбивается!

Но никто об этом не задумывался. Уж точно не София. Последнее время она ходила мрачная и удрученная. Ее все чаще посещали тяжелые мысли. Однажды вечером, вернувшись из мастерской, Альберт застал ее плачущей. Она сидела у окна в темноте, не зажигая свечи. Луна слабо освещала ее лицо, на подоконнике блестели капли. София не подняла глаз.

– Что случилось? Ты плачешь? – испугался Альберт.

– Мне так одиноко – ты никогда не бываешь дома, – всхлипнула в ответ София.

Альберт попытался объяснить, что работает над удивительной чашей, – ничего подобного он еще не делал. Пусть потерпит еще немного, он скоро закончит и сможет проводить с ними больше времени.

София со вздохом отвечала, что знает все наперед. Доделав прекрасную чашу, Альберт затеет что-то еще более удивительное. Это ясно как день – он никогда не остановится на достигнутом, ему всегда будет не до нее...

Альберт не знал, что и ответить. Он стоял в полной растерянности, понимая, что София, пожалуй, права.

- Но ведь с тобой дети, - наконец, сказал он. - Ты не одна.

Не скажи он этих слов, у Софии не было бы повода ответить так, как она ответила.

- Дети, - фыркнула София. - Тоже мне компания. От них только хлопоты...

Она вовсе не думала так - ни одна мать так не думает - и сразу же пожалела о сказанном. Ведь она так гордилась ими, так была счастлива, что они у нее есть. А слова эти сорвались с ее языка лишь потому, что тяжелые мысли на секунду взяли над нею верх. Альберт помрачнел, и остаток вечера оба молчали.

София сильно корила себя, она не могла забыть сказанного. Она была убеждена, что все случившееся потом было наказанием за эти случайные слова.

2

Неподалеку от деревни высился красивый зеленый холм. Видно его было отовсюду, где бы вы ни стояли. Холм словно бы защищал деревню собою.

На холме росла старая-престарая яблоня. Весной, летом, осенью и зимой на фоне неба вырисовывался ее силуэт, так и притягивая взгляды прохожих, - дерево распускалось, цвело, приносило плоды либо же чернело острыми голыми ветками. Посмотришь наверх, и кажется, что там царят тишина и покой.

Говаривали, однако, что это страшное место: когда-то здесь была висельная горка, куда привозили на казнь преступников. И теперь, мол, на яблоне вызревает столько яблок, сколько преступников простилось с жизнью на этом холме. Каждую осень дерево ломилось от сверкающих красных плодов, но сосчитать их никому никогда не удавалось.

Яблоки были восхитительно вкусные, а с тех пор, когда холм служил местом казни, прошло очень много времени.

Сейчас на холме жил один человек, хотя деревенским было невдомек – как можно поселиться здесь по доброй воле? Наверху стоял едва заметный крошечный домик. Днем он прятался под сенью яблони, ночью его выдавал свет в окошке.

Жила в том домике пожилая и очень необычная женщина. Флакса Мильдвэдер – прозвали ее жители, однако настоящего ее имени не знал никто.

Флакса по-шведски значит «порхать». Она и правда напоминала птицу – всегда в широком плаще цвета индиго с пелериной, которая колыхалась за ее плечами, как большие крылья. На голове она носила необычную шляпу, похожую на колокольчик: на высокой лиловой тулье бабочки, поля украшены цветами.

А Мильдвэдер, или Теплый Ветер, прозвали ее потому, что появление Флаксы всегда сулило хорошую погоду. Зимой она надолго пропадала, и бывало, неделями не выходила из дому. А вдруг появлялась – спускалась с холма в своем странном наряде, и все сразу знали: скоро потепление. И даже если трещали тридцатиградусные морозы и все было покрыто толстым слоем снега, стоило Флаксе выйти из своей хижинки, на следующий день начиналась оттепель. В тех краях Флакса считалась самой верной весенней приметой.

Удивительная была эта Флакса. Например, она умела предсказывать судьбу. Карты она презирала, но по руке и на кофейной гуще гадала охотно. Многие, вопреки страху, пробирались сюда в ночи ради того, чтобы узнать свою судьбу.

Но гадание не было главным делом ее жизни. Флакса ткала ковры. Узоры она создавала сама, и была у этих узоров своя история. Подолгу сидя у ткацкого станка, Флакса размышляла о жизни деревни и ее обитателей. Однажды она обнаружила, что знает их будущее наперед. Об этом рассказывали узоры,

рождающиеся под ее пальцами. Флакса увидела все, что ждет этих людей. Грядущие события проступали четко и однозначно, словно она читала в раскрытой книге.

Так и должно быть, решила Флакса. Для нее это не было неожиданностью. Не удивляло ее и то, что теперь, считывая линии человеческой руки или вглядываясь в кофейную гущу, она различала узоры для своих ковров и понимала, как ей расположить нити. Одно рождало другое. Рисунок нитей на ковре и предсказания совпадали, как две половинки одного целого.

Но из какого тайного источника черпала она свои знания о человеческих судьбах и коврах узорах, Флакса никому и никогда не сообщала, а возможно, не знала и сама. Как бы то ни было, жители деревни старались поддерживать с ней хорошие отношения.

Флакса, надо заметить, никогда не ткала и не гадала только ради денег. На жизнь ей хватало, а больше ей было не нужно.

Хотя она подолгу просиживала у станка, многие ковры так и оставались незавершенными. Те же, что она доводила до конца, были красивы и необычны. На ярмарке Флакса всегда сидела в своем маленьком шатре и гадала, а ковры были вывешены снаружи на обозрение публики.

Глаза Флаксы описать не так-то просто. Всегда разные, они имели над людьми огромную власть. Невероятно, но взгляд ее был мягким и в то же время таил опасность – мягкость и невинная голубизна были видимыми. Похожие на нежные цветки вероники, которые можно найти на лугу в июне, эти глаза умели подчинить себе весь мир. Вот какие это были глаза.

Что и говорить – Флакса была необычная женщина...

В деревне люди часто держат кошек. У Флаксы Мильдвэдер жил ворон. Звали его Клуке, что значит «мудрый». Откуда он взялся – то ли Флакса его поймала, то ли ворон появился у нее как-то иначе, – неизвестно, но он повсюду следовал за ней, и это была удивительная птица.

Клуке умел говорить. Но попусту не болтал. Он отвечал, и всегда очень разумно, когда к нему обращались, – если, конечно, хотел отвечать, ибо был очень своенравен. А порой говорил загадками, так что никто не мог его понять. Никто, кроме Флаксы.

С некоторых пор у Клуке не хватало одного глаза. Ходили странные слухи, будто бы он потерял глаз, когда заглянул в Колодец мудрости. Флаксу очень беспокоило увечье птицы, но не потому, что Клуке стал хуже видеть, а потому, что его характер изменился, причем существенно. Еще бы, у ворона – особенно такого, как Клуке, – должно быть два глаза.

Дело в том, что глаза Клуке обладали разными свойствами.

Один глаз был дневным. С его помощью ворон видел солнце и все, что получает от солнца свой цвет. Видел светлые и теплые тона. Радость, улыбки и смех, хорошие мысли, добро. Глаз этот также мог заглянуть далеко в будущее, он видел грядущие события.

Вторым, ночным, глазом птица видела все, что освещает своим сиянием луна. Цвета темные и холодные. Тени и горе, мрачные мысли, уродство и зло. Этот глаз глядел назад, в прошлое, в самую глубину времен.

Именно ночного глаза и лишился Клуке – лунного, обращенного в прошлое глаза. Злого глаза, как его еще называли. Конечно, это не прошло бесследно. Теперь ворон видел жизнь в розовом свете. Замечал лишь радость и добро. Тени, даже его собственная, перестали для него существовать. Он и себя-то самого теперь, возможно, не видел – ведь он был черный как смоль. Потеряв ночной глаз, Клуке стал несколько легкомысленным. Не пристало ворону легкомыслие, но Клуке был не виноват, и Флаксы понимала это.

К тому же это было меньшее из двух зол – ведь потеряй он дневной глаз, жизнь казалась бы ему черной и безрадостной. Только вот мог ли он теперь с полным правом носить свое имя?

Прекрасно, когда видишь светлую сторону жизни, но по-настоящему мудр лишь тот, кто видит жизнь с обеих сторон.

Флакса считала, что взгляд Клуке на мир стал однобоким.

3

В Блекерюде начиналась осенняя ярмарка. Отовсюду стекались люди. Одни прибывали издалека на повозках, другие шли пешком и тащили за собой телеги с товаром.

Вот и цыгане в своих кибитках – яркие, красивые, с развевающимися волосами и сверкающими глазами. Перекликались незнакомые голоса, звучали песни и музыка, колыхались широкие яркие юбки, звенели украшения.

Все смотрели на них, полные радостных предвкушений.

София и Альберт сидели на козлах. София держала на коленях Класа, Клара расположилась между родителями. Ехали медленно, наслаждаясь путешествием.

Утро выдалось ясное и прохладное, по верхушкам сосен скользило солнце, но лучи не грели. Стояла осень. Воздух, посеребренный пухом чертополоха, казался заколдованным.

Альберт и София улыбались друг другу, дети смеялись.

На ярмарке Альберт нанял для торговли лавку с крышей из дранки. Как и раньше, он делил ее с другим стеклодувом. Альберт расставил свои изделия по полкам. Они были красивее, чем работы второго мастера, да что толку. У соседа торговля шла лучше, он знал, как завлечь покупателя, и уже неплохо подзаработал.

Как всегда, люди долго рассматривали стекло Альберта, но покупали у соседа. Альберт начал падать духом, это было похоже на проклятье. София становилась все бледнее, а ведь она так ждала этой ярмарки.

Чего ради стараться, зачем эта красивая, но никому не нужная посуда?

Почему бы Альберту не делать вещи попроще – такие, какие нравятся людям?

Что теперь с ними будет?

И телегу раздобыли специально для ярмарки, и лавку наняли за большие деньги! Альберт не продал ни одной чаши! На обмен тоже никто не соглашался. Время шло.

Близился вечер. Остаться на ночлег денег не было. Скоро домой, а они так ничего и не продали.

Дети устали. Весь день Клара бегала по базарным рядам и играла с другими малышами, но теперь сидела с Класом в глубине лавки. Их укрыли рогожкой, им было тепло и уютно, но они чувствовали беспокойство родителей и смотрели на них большими испуганными глазами.

И вдруг что-то произошло.

На ярмарке появился незнакомый господин. По его платью, движениям и походке было видно, что он человек состоятельный. Перед господином, прокладывая ему дорогу в толпе, шел старый кучер. Они двигались медленно, ни с кем не заговаривали и ничего не покупали.

Но вот они оказались у лавки Альберта. Кучер прошел было мимо, но господин остановился и окликнул его. Концом трости господин стал указывать на бокалы и чаши, потом кивнул кучеру, отдал короткое распоряжение, и тот приблизился к прилавку, чтобы купить, то, что ему велели.

Сам господин тем временем стоял чуть поодаль и смотрел на Класа и Клару. Это был молодой человек, но с лицом высокомерным и скупым на радость. Он задумчиво глядел на детей и ни разу не улыбнулся.

Кучер расплатился пригоршней больших блестящих монет. Альберт хотел дать сдачу, но господин жестом остановил его. Покупатели ушли. Сам того не зная, господин благодетельствовал семью стеклодува. При этом ни словом не обменялся с Альбертом.

Ну и что с того, думал Альберт. Они спасены. За короткий миг они заработали столько, сколько и не надеялись заработать за всю ярмарку.

Муж и жена переглянулись, и, опьяненный удачей, Альберт решил: теперь-то они повеселятся!

Закроют лавку, пойдут в гостиницу и уложат детей, а потом вернутся на ярмарку и в кои-то веки позволят себе немного развлечься. Такой случай им представлялся нечасто...

София засомневалась. Неужто Альберт говорит серьезно? Но скоро розы снова расцвели на ее щеках.

- Думаешь, в гостинице найдется место? - спросила она.

- Иди вперед с детьми, - ответил Альберт, - а я тем временем приберу в лавке и догоню вас.

Смеркалось. Зажгли фонари, на площади горели праздничные огни.

Альберт и София стояли на улице среди ярмарочного люда. Они были свободны и не связаны работой, и Альберт сказал:

- Я хочу сделать тебе подарок.

- Ну что ты, не надо, - покраснев, сказала София.

- Нет, надо, - ответил Альберт.

Только сперва надо было подыскать что-то детям, которые спали в гостинице. Они купили леденцы и деревянные башмаки, а еще лошадку Класу и маленькую тряпичную куклу Кларе. На кукле была рубашечка и юбка с передником, на голове - шаль.

Но что же подарить Софии? Чего бы ей хотелось? София и сама толком не знала... Платок, расшитый розами?

Нет, она еще не сносила старый. Это должно быть что-то такое, чего у нее никогда раньше не было.

Флакончик духов? А что, очень даже неплохо, считал Альберт.

Вот еще, какие глупости, смеялась София.

Альберт и не знал, что еще предложить.

В одной лавке сидел старик, совсем древний старик, и торговал украшениями. Выбор был невелик, да и лавка располагалась немного в стороне от остальных.

Альберт и София несколько раз проходили мимо, не останавливаясь. Фонаря у старика не было, а на улице уже стемнело, так что они его даже и не заметили.

Но вышла луна и озарила старика с его товаром ярчайшим светом. Когда Альберт с Софией в очередной раз шли мимо, они увидели, что он протягивает им кольцо.

– Может, я подарю тебе кольцо? – спросил Альберт и шагнул к лавке старика.

София ухватила его за рукав. Кольцо...

– Альберт, милый, это нам не по карману.

Старик стоял не шевелясь. Он был крошечного роста, почти что карлик. С виду настоящий колдун. Глаза черные, как угольки, седые волосы и борода скрывали лицо и в лунном свете отливали голубизной. Не говоря ни слова, старик протягивал кольцо.

София взглянула. И в ту же секунду ей показалось, будто она всегда мечтала об этом кольце, просто сама того не понимала. Ей так захотелось купить его.

Альберт заметил это.

– Узнаем, сколько оно стоит, – сказал он.

София вздрогнула. Она немного побаивалась старика, но вместе с Альбертом подошла к прилавку.

Старик не ответил на вопрос Альберта о цене. Он взял дрожащую руку Софии и надел кольцо ей на палец. Кольцо пришлось в самый раз.

Это был тяжелый серебряный перстень с темным зеленоватым камнем, сияющим неодолимым блеском. София замерла, сложив руки. Альберт обратился к ней с вопросом, но она не смогла вымолвить ни слова. Она стояла, освещенная лунным светом, и взгляд ее утопал в мерцающей бездне камня, похожего на бездонное око. Ей казалось, будто камень смотрит на нее. Время остановилось.

– Нравится? – повторил свой вопрос Альберт. Голос его звучал весело. Пока София рассматривала кольцо, он сговорился о цене. Они могли купить его.

– Спасибо, Альберт, – счастливо вздохнула София.

Кольцо она оставила на руке. Альберт расплатился, и они пошли дальше. Дел на ярмарке у них больше не было, но они все бродили между лавками и радовались.

В следующий раз, когда они проходили там, где стоял старик, его уже не было – ни его самого, ни лавки. Казалось, на этом месте зияет черная дыра. Луна закатилась за лес.

София поежилась и потянула Альберта за собой на праздничную площадь.

4

На ярмарку, как всегда, прибыла Флакса Мильдвэдер. Она разбила свой гадальный шатер и развесила у входа ковры неярких, но красивых цветов.

Ворон Клуке по случаю ярмарки сидел в клетке. Это была старая золоченая клетка, висевшая над входом в шатер. Заглядывая внутрь, посетители, случалось, задевали клетку, и она начинала качаться. Клуке это очень нравилось, и он представлялся:

– Я Клуке, мудрый черный ворон. У меня ответов больше, чем у вас вопросов.

Кто-то злился, считая это пустым хвастовством, кто-то находил птицу забавной, но многие испытывали почтение.

Флаксе Мильдвэдер это не очень-то нравилось, она считала поведение Клуке легкомысленным. Раньше ворон себе такого не позволял, это было следствием его увечья. Поэтому Флакса объяснила ему, что он не так мудр, как думает, более того, его представление о вещах однобоко.

Ворон, как ни в чем не бывало, спокойно ответил:

– В меру быть мудрым для смертных уместно, многого лучше не знать.

Флакса вздохнула. В этих словах была правда, в этот день она сама испытала это. Она то и дело подходила к ковру, который как раз успела закончить к ярмарке, и напряженно всматривалась в узор. И всякий раз ее взгляд становился обеспокоенным и печальным. Ее шаги были тяжелы, она качала головой, так что крылья бабочек и цветы на шляпе грустно подрагивали.

Клуке пристально посмотрел на нее своим единственным глазом.

– Есть выход получше, чем роптать и страшиться, – сказал он, призывая ее к благоразумию.

– Да, Клуке, – ответила Флакса. – Какой совет ты хочешь мне дать?

– Что, о беде поведал ковер? – спросил ворон.

Флакса молча кивнула.

– То, что видел, о том промолчу, – решительно заявил Клуке.

– Но что, если она придет и захочет узнать свою судьбу?

– О том промолчу! – ответил Клуке, многозначительно мигнув единственным глазом.

Площадь была залита лунным светом, небо усыпано звездами. Иногда одна из них срывалась вниз, и люди могли загадать желание.

– Вот бы мы были богаты! – сказала София.

Альберт же ничего себе не желал. Он считал, что они и так многое получили в этот день.

– Ради детей, – пояснила София. – Я хочу, чтобы им жилось лучше, чем нам.

– А разве нам плохо живется? – тихо проговорил Альберт.

Но София его не слушала. С неба как раз упала звезда, и она прошептала:

– Представь себе Клару в шелке, а Класа в бархате – какие бы они были красавцы! Как я им этого желаю! – Глаза Софии мечтательно блеснули в лунном свете.

Они проходили мимо шатра Флаксы Мильдвэдер, и Альберт остановился, засмотревшись на ковры. Он видел, что они красивее, чем когда-либо, но есть в них что-то недосказанное и непонятное. Альберт испытал странное щемящее чувство, словно их узоры сулили беду.

Сама Флакса не показывалась. Ворон Клуке неподвижно сидел в своей клетке. Альберт обернулся к Софии. Он хотел знать, не чувствует ли она того же. Его особенно смущал один ковер.

Но София на ковры даже не смотрела, ее заорожила мелодия скрипки, звучащей у развилки, где начались танцы.

Она шагнула навстречу музыке и улыбнулась.

- Я хочу, чтобы Флакса мне погадала, - сказала она.

- Ты что, не хочешь танцевать? - спросил Альберт. Ему не терпелось поскорее уйти.

- Потом. Сперва я хочу, чтобы мне погадали.

И София вошла в шатер. Клуке посмотрел на нее, но не сказал ни слова. Флакса сидела в глубине шатра на треногом табурете. На полу лежал один из ее странных ковров. Софии они не нравились, на ее вкус они были чересчур мрачные.

Лицо Флаксы скрывала тень от широких полей ее шляпы, складки пелерины застыли. Флакса смотрела в пол и не подняла глаз на Софию.

- Погадай мне, - попросила София.

- На сегодня все, - коротко ответила Флакса.

- Не может быть, - огорчилась София, - я так хотела...

Флакса на мгновение подняла свои голубые глаза на Софию, но тут же снова опустила их.

- Это ни к чему, - сказала Флакса. - Да ты и сама не знаешь, чего хочешь.

И тут София разозлилась. Она решила, что Флакса говорит с ней так потому, что они из одной деревни. Считает, наверное, что со своими можно не церемониться. Но София не собиралась сдаваться.

- Ну уж нет. Гадай! - сказала она, упрямо протянув руку.

Флакса сначала будто и не видела ее руки. Но потом вздрогнула, заметив у Софии на пальце кольцо. Флакса закрыла глаза и покачала головой.

- Нет! - пробормотала она. - Нет и еще раз нет!

Рука Софии опустилась. Она была опечалена и оскорблена. Ей хотелось отомстить, но она не находила слов для своей обиды. Флакса все поняла и так. Она снова взглянула на нее и прошептала:

- Бедное дитя, бедное, бедное дитя...

София закрыла глаза и поняла, что была неправа. Флакса, наверное, просто устала. Устыдившись, София направилась к выходу. За спиной она услышала мягкий голос Флаксы:

- У тебя на пальце кольцо, София. Если с тобой приключится несчастье, пошли мне это кольцо, и я помогу тебе, где бы ты ни была. Запомни мои слова! Просто пришли кольцо.

Услышав это, София замерла на месте. Она стояла как раз под клеткой с птицей. Клуке спал, глаз его был закрыт.

Когда она вышла из шатра, танцевать ей уже не хотелось. Она обо всем поведала Альберту.

- Ты только представь себе, Флакса вздумала забрать мое кольцо! - возмущалась она.

- Тут что-то другое, - сказал Альберт, - это на нее не похоже. Попрошу ее я - пусть мне погадает. У меня ведь кольца нет.

Альберт вошел в шатер и долго не возвращался. София тем временем решила послушать музыку. Вскоре она вернулась, из шатра как раз выходил Альберт. Он шагал широко, словно ужасно торопился.

Ворон Клуке проснулся и сипло прокричал ему вслед:

- Верь тому иль не верь! Мне все равно!

- Что такое, Альберт? - испуганно спросила София.

- Идем! - ответил он и подхватил ее под руку. Он почти бежал.

- Она тебе погадала?

Альберт не ответил.

- Альберт!

Но он шагал все быстрее, уводя Софию за собой. София больше ничего не спрашивала. Она молча и послушно бежала рядом.

Добравшись до гостиницы, Альберт рванул на себя дверь в каморку, которую они сняли на ночь. Не говоря ни слова, подскочил к кушетке, где спали дети. Вид у него был безумный, склонившись над ними, он прошептал:

- Слава богу... слава богу...

Дети тихо и мирно спали. София взволнованно взглянула на него.

- Что с тобой? Ты думал, что дети пропали?

Альберт отвечал уклончиво. Сказал, что устал и хочет скорее лечь. Просто нашло что-то. Этот ворон, луна, ковры...

- Ты прав, - согласилась София. - Мне тоже не нравятся эти ковры.

Они положили куклу рядом с Кларой, а лошадку - рядом с Класом и легли. Но Альберту не спалось, он долго ворочался.

В каморке не было окна, лишь небольшая форточка. Сквозь нее, пронзая темноту, непрерывно сочился лунный свет - холодный, синий, немилосердный. В конце концов София не выдержала и завесила форточку своей юбкой.

На рассвете Альберт сложил все вещи в телегу. Они покинули Блекерюд до восхода, прежде чем забрезжил новый день.

5

Альберт переменялся.

Теперь он гораздо больше времени проводил дома и с наступлением темноты никогда не ходил в мастерскую.

Он будто бы боялся чего-то. Старательно запирали двери и ставни. Вскликивал при малейшем непривычном звуке и, если детей не было рядом, от беспокойства не находил себе места.

Иногда он прибежал домой среди бела дня просто удостовериться, что все в порядке.

Однако когда София спрашивала, чего он боится, Альберт уклончиво отвечал, что с маленькими детьми может разное приключиться, и лишняя осторожность никогда не помешает.

София понимала, что эта перемена случилась с Альбертом после осенней ярмарки. Что же произошло? Альберт ходил гадать к Флаксе. Не она ли его напугала? Альберт заверял Софию, что нет: ничего необычного Флакса не говорила, теперь он уже и не вспомнит ее слов. И вообще, мало ли что болтают гадалки.

Да, именно это он и сказал – но почему же он так переменялся? Для Софии многое оставалось непонятным, и в конце концов ей надоело спрашивать.

Передалось ли ей беспокойство Альберта, или же дело было в другом, но теперь она и сама ничему не радовалась. И это несмотря на прекрасное кольцо. Как можно быть такой неблагодарной? Иногда София жалела, что приняла подарок. На что ей кольцо? Лучше бы они потратили деньги на что-нибудь нужное.

Всякий раз, надевая кольцо, София чувствовала тревогу. Видно, это потому, что она не привыкла носить украшения. Такое баловство не для простого люда. Тяжелым грузом легло ей это на сердце – лучше бы она купила что-то теплое детям на зиму.

Никак иначе объяснить свое беспокойство она не могла. И в один прекрасный день не выдержала, сорвала кольцо с пальца и спрятала его с тем, чтобы никогда больше не надевать. Ей стало легче. Да и Альберт ничего не заметил.

В те дни София, как всегда, ходила к крестьянам трепать лен. Она была рада работе – дела у Альберта той осенью шли не очень.

Зима выдалась длинная, холодная и серая, но вот наконец наступила весна, и все напасти будто разом развеялись.

Прибавилось свету, и Альберт стал снова похож на себя. С весной не поспоришь. Он много и спешно работал, нагонял упущенное за зиму. Пора было готовиться к весенней ярмарке.

Альберт решил, что поедет один. Он был непреклонен. Дети, считал он, слишком малы, уж больно тяжело им пришлось в прошлый раз. София огорчилась, но поделать ничего не могла. Пришлось смириться.

На ярмарку Альберт поехал с крестьянином, торговавшим деревянными башмаками и всякими резными вещами. Стекла он взял ровно столько, сколько позволил ему взять крестьянин.

Они останутся в Блекерюде на ночь и вернутся назавтра, с утра пораньше.

Весь день прождала София. Не сдержал Альберт слова, не вернулся, как обещал. Сколько раз она бегала к развилке, все смотрела, не едут ли.

В конце концов беспокойство и досада взяли верх, и она забыла приглядывать за детьми, хотя крепко обещала Альберту не спускать с них глаз.

Но Клас и Клара не нуждались в присмотре. Зимой Клас сделал первые шаги, и теперь ходил сам, да и Клара для своего возраста была большая умница.

Она взяла Класа за руку и отправилась на дорогу посмотреть, куда это все время бегают мать. София велела им оставаться в доме, но что с того? На дворе так хорошо. Светит солнце, поют птицы. Под ногами показалась зеленая травка. А вот и мама. Дети пошли за ней, пока та не скрылась за поворотом.

Тут Класу и Кларе встретились две девочки. Они рассказали, что сегодня, когда народ возвращается с ярмарки, можно неплохо подзаработать.

Нужно лишь пойти в лес и набрать цветов, а потом встать у большой дороги, по которой проезжают экипажи и телеги. Надо просто предлагать свои букеты, и люди будут останавливаться и покупать цветы – ведь сегодня карманы у всех набиты монетами. Это же просто чудесно! Матушке всегда так не хватает денег!

Но где же найти цветы?

Ну, конечно, девочки знают где. Они им покажут. В лесу растут самые разные цветы.

Что, даже белые ветреницы и голубые перелески?

Да сколько угодно.

И девочки зашагали впереди, указывая дорогу. Клас и Клара пошли следом. Девочки не обманули. В лесу было все усыпано анемонами – голубыми перелесками и белыми ветреницами, и каждый собрал по большому букету.

Им даже не пришлось ходить далеко – в этом лесу не заблудишься, зря волновались батюшка и матушка. Девочки знали здесь каждое деревце.

И вот они вышли на обочину. Только поглядите! Сколько детей вдоль дороги, все с цветами, и все машут проезжающим мимо повозкам и экипажам.

Довольные и щедрые возвращались крестьяне с ярмарки. Случалось, они даже покупали по несколько букетов, но то ли Клас и Клара были слишком малы, то ли букеты у них были не такие красивые, но рядом с ними никто не останавливался.

Девочки уже продали свои цветы и сбегали в лес за новыми букетиками – так хорошо шли у них дела.

Клас и Клара встали чуть подальше, вдруг там повезет больше. Рука Класа устала сжимать букет, и он уронил его под ноги. Без воды цветы совсем поникли.

Но дети послушно стояли и ждали. Платье на них было не слишком изящное – они походили скорее на маленькие кульки – если бы не пучки выбившихся волос, полные ожидания голубые глаза, да широко раскрытые рты. Такие вот забавные кульки стояли у дороги в ожидании чуда.

И чудо свершилось.

На дороге появилась красивая повозка – не разбитая крестьянская телега с неуклюжей медлительной кобылой, а элегантный экипаж с кучером, запряженный парой белых лошадей. Лошади мчались во весь опор, копыта вздымали облака пыли, гривы развевались на ветру.

В экипаже было оконце с занавесками, и когда он проезжал мимо Класа и Клары, изнутри кто-то помахал им рукой.

Проехав еще немного, экипаж остановился прямо посреди дороги. Кучер спрыгнул с козел и открыл дверцу.

Набежали дети и окружили карету. Кучер отогнал их, но поманил рукой Класа и Клару. Не может быть – он хочет купить именно их цветы!

В экипаже сидела богатая чета – красивая дама и знатный господин. Улыбаясь, они смотрели на серьезных малышей, раскрывших от изумления рты. Улыбался главным образом господин. Он сказал, что узнаёт их: прошлой осенью на Блекерюдской ярмарке он покупал у их отца посуду. Быть может, они помнят его?

Но нет, Клас и Клара не помнили. Однако господин сказал, что все равно купит у них цветы. Кучер дал Кларе большую монету, но господин распорядился, чтобы тот дал монету и Класу тоже.

Дети настолько оторопели, что так и стояли с цветами в руках, пока кучер не велел им передать букеты даме.

Дама взяла цветы и положила рядом с собой. Она на них почти и не взглянула, но господин сказал, что цветы очень красивы. Потом снова улыбнулся Класу и Кларе и обратился к даме: не правда ли, дети очень милы?

- Да, - ответила та. - Прелестны. Едем же дальше!

- Как тебе будет угодно, дорогая, - молвил господин и кивнул на прощание детям.

Кучер закрыл дверцу. Он был очень старый. Прежде чем залезть на козлы, он сурово взглянул на детей и велел им, пока не обронили монеты, скорее идти домой к отцу и матери.

- Это большие деньги, - серьезно добавил он.

Экипаж тронулся с места, тонкая бледная рука устало махнула из-за занавесок, в окне мелькнуло лицо знатного господина, лошади рванули, и экипаж исчез в облаке пыли.

А Клас и Клара все стояли, раскрыв рты, и молча смотрели вслед. Вокруг них уже столпились дети, желая взглянуть на монеты, и они бы наверняка не уберегли их, если бы в эту минуту на дороге не появилась София, бледная от испуга.

Увидев в руках у детей деньги, она немало удивилась. Но и обрадовалась, конечно, тоже.

- Настоящие золотые монеты, - сказала она.

И они пошли домой ждать отца. Только София не смела больше убежать к развилке, а послушно ждала дома.

Прошел день, настал вечер. Альберт не появлялся. Приехал он только после десяти.

Дети уже давно уснули.

По дороге, оказывается, приключилось несчастье – крестьянин напился в стельку, гнал как оголтелый, и воз угодил в канаву. Разбилось все, да только какая теперь разница – все равно его посуда никому не нужна. На ярмарке не удалось продать ни одного бокала. Как всегда!

Богатые господа не заходили на этот раз в его лавку. Альберт был опечален, ему все опостылело.

София загадочно улыбалась и молчала. А когда Альберт закончил свой рассказ, достала монеты, которые заработали дети.

– Зато богатые господа побывали у нас, – сказала она.

Глаза Альберта округлились.

– Разве тебе было что продавать? – спросил он.

– Не мне, – ответила София и засмеялась. – Детям. Они собрали цветы и продавали их у дороги.

И София рассказала об изящном экипаже, о том, как господа пожелали купить цветы именно у их детей – никому больше подойти не позволили. Софию переполняла гордость, однако Альберт слушал настороженно. Его не порадовала эта история.

Во-первых, София оставила детей одних, без присмотра.

Во-вторых, какие-то увядшие цветы оценили выше, чем его стекло. Какой смысл в его ремесле?

Да, так вот и закончилась весенняя ярмарка.

Пришло и промчалось лето, за ним зима. Год подошел к концу.

На глазах у Альберта и Софии сменялись времена года, росли дети, однако в остальном все было как прежде. Жизнь бежала по накатанной колее.

Был в том смысл или нет, но Альберту приходилось и дальше выдувать стекло. А работая, он всегда был счастлив. Он не думал, продаст его или нет. В мастерской Альберт забывал обо всем на свете, довольный своей работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gripe_mariya/deti-stekloduva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)